

— Если понадобится, ты убьешь их!!! — орал мужчина на парня, стоящего перед ним навытяжку. — Всех!

— Всех??? — ахнул парень, и глаза его наполнились первобытным ужасом. — Всех-всех???

— Всех, я сказал! И мне плевать, как ты это сделаешь, понял?! Ты и так... и так во всем виноват, — закончил мужчина не совсем уверенно.

И неожиданно надолго замолчал.

Он увидел свое отражение в сверкающей чистотой стеклянной дверце книжного шкафа. И собственное отражение показалось ему жалким. Жалким в сравнении с дорогими корешками редких изданий. Жалким в сравнении с той сверкающей чистотой, что царила в его кабинете. Да и высокому крепкому парню, что стоял теперь перед ним с испуганно вытаращенными глазами, он проигрывал. Был он мелковат ростом, полноват в талии и бедрах, качественно лыс и некрасив лицом.

Он был богат, чрезвычайно богат, хотя и не выставлял напоказ своего достатка никогда. Зачем? Плодить вокруг себя зависть? Это очень опасно, очень.

Он мог покупать любовь красивых женщин, но не покупал. Зачем? Это все фальшивка. Он же точно знает, что никто не станет любить его просто так,

без денег. Так стоило ли тратить деньги на ложь?! Это тоже очень опасно, очень.

Его страстью были и оставались чужие тайны! Вот что любил он больше всего, вот чему посвятил свое свободное от зарабатывания денег время. А потом вдруг оказалось, что на чужих тайнах можно запросто зарабатывать. Да еще как! И это сделало его почти счастливым.

Он жил себе, жил, богател, покупал дома, квартиры, катера и был почти доволен своей жизнью, пока однажды дорогу ему не перешел точно такой же, как он, собиратель чужих секретов. Мало того что он обошел его уже трижды, так еще посмел высмеять его на одном из званых вечеров, причем публично!

И он поклялся самому себе и этому высокому парню, что стоял теперь перед ним навытяжку, — единственному, кому доверял, — что обойдет нахала. Да так обойдет, что тот не оправится до окончания лет.

— Но как, разве вы сможете? — усомнился тогда его помощник. — Он крутой! Крутой и неуязвимый.

— Э-э-эх, Паша. — Он потрепал своего помощника по вихрастой башке, потому что тот в то время сидел за рулем, иначе бы не достал. — У любого крутого есть свои грязные тайны. Поверь мне, есть! И эти грязные тайны могут превратить любого неуязвимого и крутого в слизняка. В ничтожество! В пустое место!

— И у вас получится? Ну, в смысле, найти эту тайну?

— Получится, Паша. И я даже знаю, где искать!..

И все складывалось отлично. Просто замечательно все складывалось. Он узнал, что это может быть.

• *Незнакомка с тысячею лиц* •

Узнал, где это может быть. И был уверен в этом почти наверняка. И ему даже отвели время на то, чтобы он действовал по собственному усмотрению. Ему позволили делать так, как ему это было нужно.

И тут бац, хрясь, препятствие!!! Да такое, что и во сне не привидится!

— Геннадий Иванович, но там же дети, — неуверенно качнулся в его сторону большим крепким телом Паша. — Двое пацанов.

— Плевать! Если не сможешь очистить территорию без убийства, убей!!! — И тут же, восстановив дыхание, проворчал: — Нет, конечно. Это я так. Никакой крови, Паша. Но работай уже, работай, Паша...

ШАБА 1

Старый двухэтажный дом, на который выходили окна его квартиры, был полон старых шорохов.

Так ему казалось.

Все в нем трещало, подсвистывало, скрипело. Он, как немощный старик на артроз, жаловался на побитые жуком-короедом стропила, едва выдерживающие обновленную много лет назад кровлю. На старые полы, гуляющие под тяжелой поступью. На глубокие трещины в углах, рвущие шпатлевку и обои в клочья. Дом жаловался на ветер, который бессовестно лез в старые окна с растрескавшимися рамами, позванивал стеклами. Ветер нагло врывался в замочные скважины старых дверей, шевелил портьеры на окнах, а иногда и переворачивал страницы распахнутых книг.

Старый дом устал от своей старости. Устал нести фасадное великолепие прошлого века и потихоньку мстил, отваливая куски красивой лепнины и разрушая лестничные марши.

Так ему казалось.

Когда-нибудь он просто рухнет. Сложится, как карточный, обнажая старый сгнивший остов. И придавит всех, кто зачем-то в нем поселился. Дом был обречен, и все об этом знали. И долго, очень долго,

лет пять или семь, он был необитаем, глаза на улицу черными провалами заколоченных окон. В нем даже бездомные не селились. Почему? Никто не знал. Дом почти не охранялся, хотя и слыл исторической ценностью. Но это казалось ему сомнительным. И дом даже накрывали зеленой сеткой, намереваясь то ли реставрировать, то ли снести.

Потом вдруг сетку содрали, и он подумал, что скоро будет снос. И заранее морщился, представляя грохот, груды старых надломанных кирпичей, столбы пыли. И даже планировал уехать куда-нибудь на то время, пока станут рушить историческую ценность. Чтобы вернуться уже к огороженной территории, на которой кто-нибудь — предприимчивый — затеет строительство торгового центра или автомобильного сервиса.

Но в доме вдруг появились жильцы. Это было так неожиданно, что он было подумал, что выпил лишнего в ночном клубе. И даже несколько раз закрывал и открывал глаза, когда обнаружил несколько окон светящимися. Но видение не пропадало. В доме в самом деле поселились люди.

Их было немного. На первом этаже слева и справа от центрального входа оказались заняты две комнаты. И три комнаты на втором.

Вообще-то из исторических архивов их города он узнал, что раньше этот дом принадлежал какой-то знати, то ли купцу первой гильдии, то ли князю, или даже кому-то из графского сословия. Точно никто не ведал фамильной принадлежности. Вот не сохранилось ни единого документа в архиве, и все.

После революции дом этот несколько раз менял хозяев и свое назначение. То был складом, то библи-

отекой, то Домом культуры. Это уже после войны, в начале пятидесятых, его громадные комнаты и залы разгородили на коммунальные клетки, подвели коммуникации и заселили. Одновременно в нем могло жить до пятидесяти человек, так уплотнили проживание.

Теперь вот было обитаемо всего ничего.

Слева от входа поселилась пожилая женщина. То ли больная, решил он, то ли сильно пьющая. Она редко вставала с кровати, которую поставила у самого окна и которая великолепно просматривалась через ее незанавешенные окна с его третьего этажа. Когда она вставала, то шаткой походкой двигалась куда-то прочь из комнаты. Отсутствовала, как правило, минут сорок-пятьдесят. А когда возвращалась, походка ее становилась еще более шаткой и неуверенной.

Пьет, решил он через пару недель, не заметив никаких хлопот по дому в плане смены постельного белья или уборки. И назвал женщину Синяк.

Справа от входа поселилась девушка. Молодой она была или не очень, он не мог понять. Но она была одинокой. Очень одинокой! К ней никто не приходил, ее никто не провожал. Утром она вставала почти одновременно с ним. Свет в ее занавешенном окне загорался в ту же минуту, что и в его окнах. Через полчаса свет гас, девушка выходила на крыльцо в клетчатом пальто до колен, в высоких сапогах и с сумкой через плечо. Голову она не покрывала никогда. Даже в лютую непогоду. И он мог наблюдать до самой автобусной остановки, как развеивается на ветру ее рыжая грива.

Возвращалась она почти всегда в одно и то же время — в восемнадцать тридцать. Вспыхивал свет

в ее окнах. Она проходила, не разуваясь, на середину комнаты, где у нее стоял круглый стол, не накрытый скатертью. Ставила на стол покупки, они у нее случались раз в три дня. Садилась к столу и сидела неподвижно долго, иногда очень долго. Потом вставала, подходила к окну и сдвигала портьеры. К слову, портьеры были так себе. Они просвечивались. И он мог наблюдать, когда ему этого хотелось, за жизнью девушки.

Очень скучной жизнью она жила, сделал он вывод через пару недель. После того как занавешивались шторы, девушка раздевалась почти догола. Оставшись в одном белье, она влезала в спортивный костюм, обувала на ноги то ли валенки, то ли войлочные сапоги, куталась в громадную шаль и забивалась в угол широкого дивана, занимавшего большую часть ее комнаты.

Когда она ест? — недоумевал он. Он никогда не видел ее с тарелками. Она что-то пила из чашек, может, чай или кофе, но никогда не ела дома. Даже бутербродов! И просиживала вечера напролет либо перед телевизором, либо с книгой.

Дура и Курица, решил он через месяц, не зная, какое лучше подойдет ей прозвище.

На втором этаже, прямо над квартирой Синяка, жила семья малахольных: отец, мать и двое сыновей-подростков. Они не занавешивались, решив, что с улицы их второй этаж совершенно не просматривается. То, что старый дом был зажат с двух сторон многоэтажками, откуда их жизнь можно было наблюдать как на ладони, их совершенно не заботило. Мать бродила по комнате порой в чем ее родили — это когда детей не было дома. Папаша так вообще даже сыновей не стеснялся.

Жили они шумно, запыленно и суетно. Малахольные, решил он через две недели и перестал смотреть на их окна совсем.

Рядом с их квартирой располагалась квартира Неизвестного. Он по-настоящему интриговал его, ухитрившись ни разу не попасться ему на глаза. В окнах горел свет, предметы переставлялись с места на место: двигались стулья, кресло, появлялась и исчезала посуда со стола, но самого жильца он ни разу не видел. И шторы были, как назло, глухими. Ничего сквозь них не было видно. Ничего! Не то что у Курицы. Неизвестный и на выходе не встретился ему ни разу. Как он попадал в дом и как из него выходил, оставалось для него тайной.

А прямо над квартирой Курицы жил одинокий старик. Вот кто был ему по-настоящему симпатичен. И он даже прозвище ему придумал достойное — Академик!

Просторная комната старика была уставлена книжными полками, забитыми книгами, чертежами, громадными альбомами, которые он вечерами с удовольствием рассматривал. У дальней стены, слева от входа в его комнату, стоял скромный диванчик, накрытый клетчатый пледом. У окна — громадный, как остров, письменный стол. В углу стола стояла настольная лампа под огромным красным абажуром. Рядом лежала лупа в футляре и непременно раскрытая книга. Каждый вечер Академик включал настольную лампу, пододвигал к столу кожаное кресло. Усаживался в него, набросив на плечи клетчатый плед с дивана. Брал в руки книгу и лупу и читал. В середине вечера он мог неожиданно прервать чтение, подойти к стеллажу, выдернуть тубус с чертежами, развернуть их на

столе и подолгу их рассматривать тоже сквозь лупу. Потом чертежи сворачивались, убирались обратно в тубус и на стеллаж. Чтение возобновлялось.

Старик нехитро питался, аккуратно прибирая потом крошки со стола в ладонь, согнутую ковшиком. Часто варил кофе на спиртовке, которая стояла у него на подоконнике.

Окон он никогда не занавешивал, потому что у него не было штор вообще.

Вот и все. Все жильцы, странным образом появившиеся в доме и невольно привлечшие его не занятое ничем внимание...

Телефон!

Он вздрогнул, отвернулся от окна, у которого стоял уже полчаса, посмотрел на аппарат на барной стойке. Телефон звонил восьмой раз за вечер! Кто может ему звонить так часто? Что от него могло быть кому-то нужно? В девять тридцать вечера!

Те люди, которые могли так надоедать ему, вернее, могли осмелиться так надоедать, теперь для него не существовали. Они уехали далеко. И они для него умерли. Навсегда!

Телефон захлебывался в истошном треньканье, не думая замолкнуть. Егор с сожалением глянул на старинный дом с пятью освещенными окнами, поставил на подоконник широкий стакан со скотчем и пошел к телефону.

Стакан на подоконнике был его хитростью. За ним надлежало вернуться. А вернувшись, он снова станет наблюдать чужую жизнь в старом доме. Стыдно признаться, но с некоторых пор это стало для него небольшим развлечением. Он даже диалоги

придумывал для жильцов, придумывал им истории, неурядицы, проблемы, помогая потом их разрешать.

Может, он сходил с ума от одиночества?

Егор протянул руку к телефону и тут же подумал, что его одинокая жизнь ничуть не хуже одиночества рыжей девицы, забивающейся каждый вечер в угол дивана, как на насест. Курица!

Нет, у него все не так. У него своя фирма, пуская и небольшая и с весьма скромной прибылью, но все же это лучше, чем ничего. У него прекрасная квартира, которую он уже выкупил и обставил по своему вкусу. У него большая черная машина, которую он очень любит и ласково называет Жучок. У него отдых случается два, а то и три раза в году. И еще у него намечаются отношения с красивой девушкой по имени Света.

Нужны ему были эти отношения или нет, он пока не определился. Инициировала их роман Света. Он пока сопротивлялся, но с каждым днем все более вяло и неактивно. И в пятницу, к примеру, они договорились созвониться и сходить куда-нибудь.

Сегодня был вторник.

— Да! — рявкнул он в трубку, намеренно показывая, что раздражен восьмым за вечер звонком.

— Егор... Егор, это я...

Знакомый голос с легкой хрипотцой, который, он искренне надеялся, больше никогда не услышит, прошел его мозг огненной строчкой. В желудке сделалось пусто и холодно, во рту сухо и горько. А сердце — вероломный предатель — тут же восторженно заметалось.

Она позвонила?! Что-то не так с ее безоблачным счастьем?! В чем-то подвел ее любимый?! Не выдер-

жал проверки, не выдержал сравнения с ним — с Егором?!

— Егор?! — поднялась интонация до тревожного вопроса. — Это ты?

— Да, — ответил он, стараясь, чтобы голос не дрожал и не сипел. — Это я, Лена.

— Господи, слава богу! — выдохнула она так, как могла только она одна выдохнуть, когда радовалась, когда любила его. — Я уже подумала, что ошиблась номером. Звоню, звоню весь вечер. Никто не отвечает...

Она замолчала. Он должен был, наверное, сейчас спросить, как ее дела. Или что она хотела. Но он молчал. Он растерялся. Он не знал, как нужно вести себя, если она сейчас снова начнет свои штучки. Она была на них мастерицей, его бывшая девушка Лена, сбежавшая от него с его близким другом, почти что братом. Она могла заговорить сейчас его до обморока и уже к утру оказаться снова в его кровати.

А завтра...

А завтра могла снова сбежать от него с кем-нибудь еще! Ведь если звонит, значит, с Леной у нее ничего не вышло. Так? Тот не оправдал ее ожиданий. Оказался как раз таким, каким он был всегда — бестолковым, бесшабашным повесой. Лена увлеклась, но потом поняла и теперь жаждет вернуться к Егору — верному, надежному, стопроцентно любящему только ее и...

— Егор? Чего ты молчишь?! — с надрывом спросила Лена.

— Лена, это ты позвонила, не помнишь? Тебе, наверное, есть что мне сказать? — неожиданные слова, вырвавшиеся у него, так ему понравились, что он продолжил в том же духе: — Если есть, говори. Мне несколько неловко сейчас беседовать.

— Ты не один?! — догадливо ахнула Ленка. — Ух ты! Муратов... Ты... Ты быстро утешился!

Вообще-то прошло уже полгода, как его девушка и его друг сбежали. И эти шесть месяцев стали для него суцим кошмаром. Поначалу он не мог даже разговаривать. Почти все время молчал, раскрывая рот лишь на коротких совещаниях и при объяснениях с гибэдэдэшниками, когда те останавливали его за нарушения. А он в ту пору часто нарушал. Он даже в кафе и ресторанах молча тыкал пальцем в меню и согласно кивал.

Он почти не разговаривал. Не мог. Боялся, что завоет.

Он почти не думал тогда о себе и о ней, старательно забивая мозг всем подряд. К примеру, начал придумывать истории людей, поселившихся по соседству. Он боялся свихнуться, потому и не думал, и не анализировал. Боялся свихнуться от боли. Потом привык. Вернее, свыкся.

И тут она звонит!

— Лена, что ты хотела?

Егор оглянулся на стакан со скотчем на подоконнике. Ему очень хотелось взять его в руки и, лениво потягивая элитный алкоголь, презентованный ему недавно, ни о чем тревожном не думать. Просто смотреть в окно и наблюдать. И уж, конечно, ему не хотелось говорить сейчас с Леной, хотя душа ныла болезненно и сладко от звука ее голоса.

— Егор... Ты так изменился, — выдадала вдруг его бывшая девушка. — Раньше ты...

— Меня больше нет, Лена, — перебил он ее.

— Но как нет? Ты же со мной говоришь, Егор, — возразила она, считая себя вполне логичной.

— Меня прежнего нет, — пояснил он.

И тут же подумал, что ему ведь прежде не раз приходилось ей разжевывать по несколько раз некоторые прописные истины. И он никогда не считал ее тупой. Считал себя неспособным правильно и понятно изъясняться. А она была милой, непосредственной, наивной и очень желанной.

— Меня прежнего нет, Лена, — повторил Егор и тут же привычно начал объяснять: — Такого, как раньше. Я другой, Лена. Стал другим.

— Че ты мне разжевываешь-то, я не тупая блондинка! — фыркнула она и тут же поспешно добавила: — Я просто блондинка!

— Лена, ты позвонила мне. Что-то случилось? — решил он немного помочь ей и снова покосился на широкий стакан со скотчем на подоконнике. Он притягивал его, как магнит. И еще больше его притягивало окно, точнее, действие за окном. Вернее, за окнами старинного дома.

Что они делают — его обитатели? Чем теперь заняты? По-прежнему ли спит, укутавшись в груды тряпья, пожилая женщина? Снова забилась в угол дивана с книжкой рыжеволосая девушка, или все же напросился к ней кто-нибудь в гости, и они теперь пьют чай, усевшись за ее круглым столом? Незнакомец? Он явит свое лицо ему сегодня или нет? А Академик? Он сегодня чем занимается? Продолжил читать свою книгу? Или изучает чертежи? Или рассматривает огромные альбомы в старинных переплетах?

Он не следил за ними, нет! Упаси господи!!! Нет!

Он за ними наблюдал. Это наблюдение стало неотъемлемой частью его свободных вечеров. Жильцы старинного дома, долгие годы готовившегося к сносу, сами того не подозревая, стали его знакомыми.

Занятыми, удивительными, банальными, загадочными...

— Егор, я хотела поговорить с тобой, — произнесла Лена неуверенно. — Ты слушаешь?

— Говори, только недолго, — попросил он и пожалел, что не купил телефонный аппарат со съемной трубкой и теперь вынужден быть прикован к крохотному пяточку у барной стойки в кухне. — Я занят.

— Понимаю.

Лена вздохнула глубоко и протяжно. Потом еще раз и еще. Егор насторожился. Она как будто набирала воздуха перед прыжком. Так она дышала, когда сказала, что уходит.

— Лена, что?

У него противно заныло в желудке. То ли от спиртного, то ли от предчувствия.

— Егор, я хотела бы вернуться, — быстро, почти скороговоркой, выпалила она и заплакала.

— Лена, нет!!!

Егор швырнул трубку на аппарат, следом выдернул телефон из розетки, прижался к стене и с силой зажмурился.

Господи, нет, пожалей его!!! Только не это!!! Прости его, Господи, за то, что просил об этом много, много раз!!! Прости! Воистину, надо бояться своих необдуманных желаний! Не надо просить того, о чем потом пожалеешь!

Егор сполз по стене на пол, сел, вытянув ноги.

Ленка, Ленка... Что ты натворила? Зачем ты поломала все, сбежав буквально из-под венца? Они же собирались пожениться! Присматривали кольца, строили планы. Мечтали о чем-то банальном, но милом. А она взяла и сбежала с Леней. С его лучшим другом!

— Значит, друг был не лучшим, и девушка так себе, — вынесла приговор Света, когда он жаловался ей как-то под рюмку водки. — Понимаете, Егор. — Они тогда еще были на «вы». — Понимаете, это даже хорошо, что они сделали это с вами теперь. Много хуже было бы, проживи вы с ней несколько лет, прирасти душой и телом. Нарожайте вы детей. Вот была бы трагедия. А так... Это просто неприятность!

Просто неприятность. Неприятность!

Его лучший друг, с которым дружил с детского сада, вместе окончил школу, вместе учился в университете, который предал его, — это неприятность. Его девушка, которую любил пять лет, с которой жил, спал, на которой хотел жениться и которая его бросила, — неприятность.

Честно? Он тогда счел Свету дурой. Хорошо, промолчал. Он тогда много молчал. Это помогло не обрасти врагами, потому что людей он тогда люто ненавидел, почти всех. И помогло сохранить со Светой нормальные отношения. Приятельские. Теперь вот она хочет перешагнуть этот приятельский рубеж и двигаться дальше в романтическом направлении, а он не знает, что делать.

Тут еще Ленка...

Егор поднялся с пола, подошел к подоконнику, взял в руки стакан с виски и глянул на дом.

Привычная картинка. Пожилая женщина спала, закутавшись в тряпье и не выключив света. Рыжая девушка сидела в углу дивана, положив голову на подтянутые к подбородку колени. Семейка малахольных сновала по комнате, как тараканы по обеденному столу. В окне Неизвестного света не было. Академик читал книгу, медленно водя лупой над

страницами. На подоконнике на спиртовке стоял крохотный кофейник. Варился кофе.

Егор сделал медленный глоток виски. Надо было гасить свет и ложиться спать. Он привык к режиму в будние дни: отбой не позже двадцати трех. Привык без Ленки. Когда жил с ней, уснуть раньше часа ночи не выходило. Сейчас все изменилось. Все стало другим. Сейчас он находит интересным наблюдать за чужой скучной жизнью за чужими окнами.

Бред!

— Бред, — проворчал он, отворачиваясь от окна. — Бред и сумасшествие!

Егор ополоснул стакан, поставил его на полку, выключил свет в кухне и решил, что перенесет свидание со Светой с пятницы на среду. Иначе он точно свихнется, придумывая истории для жильцов дома.

У них же там день похож на день! Час на час и минута на минуту! Что могло в их жизни произойти интересного? Ничего из того, что он придумал неделю назад.

По его версии, Неизвестный от кого-то скрывается. Рыжая девица обманута любовником и переживает теперь душевную трагедию, забиваясь каждый вечер в угол дивана. Пожилую женщину выгнали дети, и она от горя запыла. Отец суетливого бестолкового семейства проиграл в покер квартиру, и они вынуждены теперь жить в таком месте. А Академик...

Этот высокий седоволосый мужчина, посвящающий каждый вечер изучению чертежей, чтению книг и рассматриванию старинных альбомов, скорее всего, был жестоко обманут риелторами. А как еще? По какой причине образованный человек мог на старости лет оказаться в этом дряхлом строе-